

Чуковский Корней Иванович

23.05.96

Окончание.

Начало в «РМ» №4126.

Русская литература. - Париж-
1996. - 23 мая. - с.10.

Валентин Берестов

«Это лучше, чем всеобщее приятие...»

О Корнее Ивановиче Чуковском

Он не любил, когда посетитель приезжал к нему, так сказать, пустым. Без новых стихов, новых мыслей, новых впечатлений, житейских и литературных. Я это знал, и Чуковский меня таким почти не видел. Но однажды Борис Заходер (у него было какое-то дело к Корнею Ивановичу) попросил меня сопровождать его. Чуковскому было очень интересно с Заходером, я же оказался скучным и чужим. Пошли гулять. Чуковский шел с Татьяной Максимовичей Литвиновой, я — с Заходером. Иду и помалкиваю или поддакиваю собеседникам. Корнею Ивановичу это надоело.

— По берестовским местам Подмосковья! — начал он туристическую экскурсию. — Вот по этой дорожке наш дорогой Берестов катал на саночках свою румяную дочь Марину, которая по малости лет еще не понимала, что, вдохновляя Берестова на писание детских книжек, она кормит семью и отнимает бумагу у старика Чуковского. А это дача Ираклия Андроникова. Здесь наш дорогой Берестов с семейством прожил две зимы. Ираклий, естественно, не брал с него денег за квартиру. Вместо этого Берестов должен был смеяться каждой шутке своего хозяина.

Терпение мое лопнуло:

— Как будто сами не смеетесь каждой его шутке!

— Ну, вот, наконец-то он проснулся! — обрадовался экскурсовод.

Я не раз бывал свидетелем прощаний Чуковского с Андрониковым. Все уже едва дышали от непрерывного смеха. И договорились: больше ни слова. Вышли на крыльцо. И тут Андроников изобразил модную тогда игрушку — заводную свинку со скрипочкой. Свинка приплясывая кружилась и водила смычком, потом как-то зачастила и начала дергаться и подпрыгивать, как бывает, когда кончается завод. Вернувшись в дом, мы не сразу опомнились от смеха.

Когда в конце его жизни происходили какие-нибудь важные события, народ из Дома творчества устремлялся к Чуковскому. Были, думаю, среди жаждавших обменяться мнениями и те, кто испытывал к таким разговорам вполне профессиональный интерес. Однажды мы с Корнеем Ивановичем сидели в его кабинете и занимались редактированием библейских пересказов. Потом спустились ужинать. За столом оказалось вдруг немало писателей, обсуждавших какую-то политическую новость. Она тотчас же была сообщена Чуковскому.

— Вот как хорошо! — сказал он.

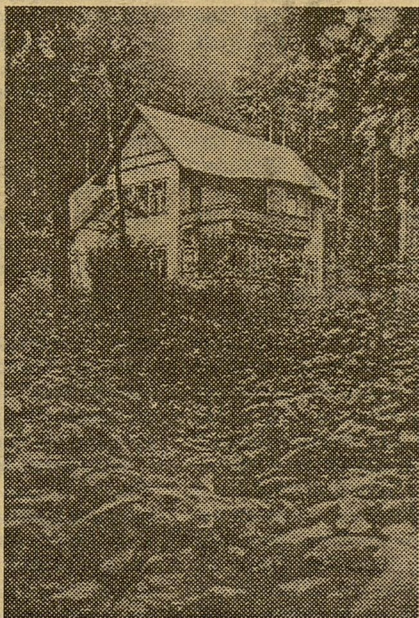
— Нас тут много, новость уже обсудили. Давайте теперь поговорим

о чем-нибудь более жизненном. Например, пусть каждый расскажет, как он в первый раз на кого-нибудь донес. Рассказывать будем друг за другом по часовой стрелке. Итак, с кого начнем?

— С вас! — дружно воскликнули гости.

— Хорошо, — согласился Чуковский. — Итак, я первый раз донес, еще не умея говорить. Мы с мамой ехали из Одессы в деревню к маминому брату. В купе сидели румяные украинки со множеством узлов и корзинок. Все они нежно заботились о молодом человеке, который ехал зайцем, кормили его наперебой. И вот в вагон вошел контролер. Женщины отправили бедного “зайца” под лавку, загородили его узлами, корзинами и длинными юбками. Каждая предъявляла контролеру узенькую картонку, тот как бы нюхал ее, а потом прямо-таки волшебной палочкой пробивал эту картонку насквозь. И я с замиранием сердца ждал: вот сейчас еще одна пассажирка отдаст ему свою картонку и раздастся упоительный звук компостера. И мне стало бесконечно жаль несчастного юношу, который, лежа под лавкой, лишен возможности точно таким же образом вызвать контролера на эти сказочные действия. И я стал мычать и показывать контролеру на лавку, чтобы он устроил праздник обделенному судьбой юноше. “Зайца” извлекли из-под

лавки, куда-то увели. А мама так хорошо объяснила мне, как это отвратительно, если человек доносит и предаст, что с тех пор я больше никогда ни на кого не доносил ни устно, ни письменно, ни печатно.

Дом Чуковского в Переделкине.

смотрели на часы и обнаружили, что скоро девять вечера, а значит, Корнею Ивановичу пора ложиться спать.

*Я родился в ваш день рождения,
Когда Вам было сорок шесть,
И с детства это совпадение
Считаю за большую честь.*

Всякий раз первого апреля я навещал Корнея Ивановича, а потом спешил к своим гостям. С каждым годом число желающих поздравить старого писателя неуклонно росло, и Чуковского перестали выпускать к гостям. Да он и

К.И.Чуковский с собакой в детской библиотеке. Переделкино, 1962.

Других рассказов на эту тему мы в тот вечер не услышали.

Гости по-

сам не любил светские разговоры и тосты. У меня всегда было что ему рассказать и прочесть, и потому меня тайком приводили к нему наверх.

И вот 1 апреля 1969 года. Чуковскому — 87 лет. Он лежит в железнодорожной больнице в Сокольниках. К нему никого не пускают. “Поедем!” — говорит Рина Зеленая. — Ты будешь предъявлять меня вместо пропуска. А уж Марина Николаевна (она сейчас у Корнея Ивановича) нас с тобою как-нибудь пропустит”.

— Вам куда? — спрашивали вахтеры. — Ой, Рина Зеленая! проходите, пожалуйста!

— Как вы ухитрились сюда проникнуть? — восхитилась Марина Николаевна Чуковская. — Ну, если так, то проходите!

Корней Иванович сидел в палате и читал толстую английскую книгу.

— Надо немедленно созвать сес-

тер, нянечек и несколько больных, с которыми я уже подружился.

Палата наполнилась народом. Больные сидели, медики стояли у стенов.

— Вы, Валя, — сказал Чуковский, — будете читать только те стихи, которые я вам закажу. Ничего нового, чего я не знаю. А вы, Риночка, читайте, пойте, показывайте, что хотите!

И начался концерт. Чуковский шепотом объяснял, кто чем болен и как ему их жалко. Когда я читал указанные им стихи, он жадно вглядывался в лица слушателей. Стихи он отобрал точно, публике понравилось.

— А почему мы не знаем этого поэта? — раздался голос.

— Ну, кого он вам напоминает? — потирал руки Чуковский. — Правда же, никого?

— Нет, — сказала вдова драматурга Киришона. — Был в пятидесятых один поэт, его еще любил мой сын. Он писал в этом же духе. Как его? Валентин... Валентин Березкин?

Мы с Риной Васильевной ушли счастливые, совершенно не подозревая, что видим его в последний раз. Есть какая-то мистика в этой встрече. Нам с Чуковским был важен этот день, как-никак день рождения. Но почему Рина Васильевна придавала ему такое значение? Ведь этот день — вторая, заключительная дата ее жизни, “грядущей смерти годовщина”, о которой так хотел догадаться Пушкин. Через 22 года в этот день Рины Зеленой не стало.

Когда Люша благодаря упорству и вере в чудо выпустила еще при Брежневе “Чукоккалу”, то в примечании к моим стихам Чуковский сказал: “Нас с ним до сих пор связывает крепкая дружба”.

А еще Люша показала мне страницу из “Огонька” с моим очерком к 80-летию Корнея Ивановича. Заголовок “Каждый день на рассвете” был зачеркнут, и над ним рукою Корнея Ивановича было написано другое название — “Корней Чуковский”. Наверное, за то, что я в этом очерке назвал “От двух до пяти” научной книгой.

248